ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

Вечернее заседание 25 января

Допрос подсудимого Шестова

(Продолжение. Начало см. на 2-й стр.).

Я говорю: «Вы мне предлагаете просто-напросто быть шпионом». Он пожал плечами и говорит: «Напрасно вы бросаете такие слова. В борьбе ставить вопросы гораздо мягчайше, как вы ставите, неправильно».

Вышинский: Какие вы имели поручения и как вы их выполняли?

Шестов: Я имел до отъезда свидание с директором упомянутой фирмы Дейльманом и его помощником Бохом.

Вышинский: В чем заключалась сущность вашего разговора?

Шестов: Во-первых, о доставке шпионских сведений через представителей этой фирмы, работающих в Кузбассе, и об организации совместно с троцкистами вредительской и диверсионной работы. Говорилось и о том, что фирма в свою очередь окажет поддержку нам.

Вышинский: Дальше что случилось?

Шестов: Дальше я приступил к конкретной оперативной работе. Я начал с вербовки инженера Строилова. Явившись на его квартиру, я вопрос поставил прямо. Сказал, что мне известно о его связях с фирмой «Фрейлих-Клиффель-Дейльман». Потом я ему прямо сказал, что нечего складывать оружие, а нужно снова начать активно работать по линии разрушительной и подрывной. Мне не важно было завербовать одного Строилова, а важно было завербовать его единомышленников. Я знал, что он пользуется большим доверием у ряда инженеров, у меня не было сомнения, что они связаны и по вредительской работе. Я предупредил его: не подумайте сообщить обо мне в НКВД, я достаточно авторитетен в Западно-Сибирском крае, вам никто не поверит, а если я скажу о вашей работе то, что знаю, вы безусловно будете немедленно арестованы. Строилов растерялся и сказал, что ответ даст завтра. А на другой день Строилов сказал, что он согласен принять участие в нашей организации. Строилов должен был составить вредительский план.

Вышинский (к Строилову): Как вы сделались агентом германской разведки?

Строилов: В конце ноября 1930 года я приезжал в Москву на сессию ВЦИК как кандидат в члены ВЦИКа. Я был у себя в селе, где живут мои родители. Мне представлялось тогда, что то, что предпринято с коллективизацией, — неверное дело. Во всяком случае, в отношении тех темпов, которые приняты. Мне тогда представлялось, что и темпы и об'ем индустриализации, которые взяты у нас в Союзе, слишком велики. У меня были колебания. Я стал сомневаться...

После того, как я побывал на сессии, я вернулся в Германию. У меня возникло желание остаться в Германии.

Вышинский: Возникло желание остаться в Германии, и вы об этом кому-нибудь сообщили?

Строилов: Я до того сообщил, но дал записочку.

Вышинский: Какую, кому?

Строилов: Вюстеру передал записку, что я решил отказаться от возвращения в Союз и выражаю желание остаться в Германии и работать вместе с ними энергично и выполнять их задания.

Вышинский: Как это можно назвать?

Строилов: Изменой... родине.

Вышинский: Измена родине! Русский человек! Советский гражданин! Записочка эта у него оказалась в руках, у Вюстера?

Строилов: Вюстер заявил, что я теперь в их руках и если я не буду выполнять отдельных их поручений и заданий, то я буду передан в руки советских властей, которым будет представлена эта моя личная записка. Поэтому я согласился с Вюстером, т. е. сделался изменником.

Вышинский: Таков конец. Садитесь. Можно продолжать Шестову?

Председательствующий: Пожалуйста.

Вышинский (к Шестову): В чем заключалась ваша шпионская работа?

Шестов: В конце 1932 года в Новосибирске я встретился со Стрижовым, и он мне сказал, что прибыла новая, достаточно большая группа немецких специалистов-диверсантов.

Вышинский: Назовите фамилии.

Шестов: Я в Прокопьевске был связан с Шебесто, Флоренном и Бан. В 1934 году я работал уже управляющим другого рудника и там связался со Штейном. Шебесто попросил дать план для размещения на шахте ответственных сооружений, чтобы начать вплотную по диверсионной работе. Я ему этот план дал. Он его использовал для диверсии в Прокопьевском районе.

Вышинский: Дальше, что еще было?

Шестов: По моему указанию, в одном месте, где было хранилище динамита, при помощи техника Бана взорвали динамит и устроили свой потайной склад динамита. В 1934 году склад взорвался. Дети шахтеров играли невдалеке от этого места, нечаянно попались и натолкнулись на этот динамит. Получился страшный взрыв.

Вышинский: А с детьми что было?

Шестов: Погибли. В мае 1933 г. Шебесто провел поджог кузнецкой электростанции по поручению германской разведки и по моему поручению. Дальше от Флоренна я узнаю, что он поджег весною 1934 г. бункера шахты Ленинской.

Вышинский: А вот ваша подрывная работа? Вредительский монтаж шахт и других?

Шестов: Я сейчас к этому перейду. Это очень большой раздел. В Прокопьевском руднике была проведена камерно-столбовая система без закладки выработанной поверхности. Благодаря этой системе мы имели 50 с лишним процентов потерь угля вместо обычных 15—20 процентов. Второе: благодаря этому фактору мы имели на Прокопьевском руднике к концу 1935 г. около 60 подземных пожаров.

Вышинский: Кто вам помогал в этой преступной работе?

Шестов: Мне помогал Строилов, управляющий Прокопьевским рудником Овсянников и главный инженер этого же рудника Майер. При их содействии была несвоевременно начата углубка шахты, в частности шахты Мозгового, сознательно законсервировали в 1933 году сотый горизонт шахты Коксовой. Своевременно не начали углубку шахты Маленина и шахты 5—6. Задержали до 2 лет. Дальше, по Прокопьевскому руднику лично мною были заложены две крупные шахты 7—8 на таком угольном месторождении, где я его заранее знал, будут крупные неприятности при эксплоатации. Все это делалось сознательно. На шахте Коксовой на шахте 5—6 при монтаже оборудования и при монтаже подземной электростанции и других механизмов была проведена крупная подрывная работа. Это проделал завербованный мною инженер Шнейдер с группой своих помощников.

Вышинский: Все?

Шестов: По Анжерке на 2 года был отложен ввод действия шахты 5. Такая же крупная вредительская работа была проделана по шахте 9—15. Дальше проведены крупные мероприятия вредительского и разрушительного порядка на механизмах, находящихся в эксплоатации как по Ленинскому, так и по Анжеро-Судженскому руднику, благодаря которым эти рудники в течение 5 лет сидели в прорыве. И последнее: на всех рудниках Прокопьевского, Анжерского и Ленинского происходила работа стахановского движения. Была дана директива вызывать нервы у рабочих. Прежде чем рабочий войдет до места работы, он должен десятков пустить по адресу руководителей шахты. Создались невозможные условия для работы. Не только стахановские методы, но и обычным методом невозможно было наладить работу.

Вышинский: Еще два вопроса. Во-первых, наряду с теми преступлениями, о которых вы сейчас говорили, нет ли за вами, я просто скажу, бандитских преступлений в прямом смысле этого слова. Например, грабежей, убийств?

Шестов: Убийства были. В Прокопьевске по моему заданию был убит террористической группой инженер Бояршинов, который мне заявил, что на работах Шахтстроя творится что-то неладное. Сам Бояршинов — бывший вредитель Донбасса, но он честно работал на этом руднике.

Вышинский: Он к вам обратился как к авторитетному руководителю?

Шестов: Да. Он хотел раскрыть мне глаза на это. Я подлавливал его и сказал: «Кому нужно, я сообщу, а вы пока молчите». А затем я вызвал Черепухина и дал задание убить его. И это было сделано. (**Движение в зале**).

Вышинский: Второй вопрос: о грабежах как дело обычное?

Шестов: Был ограблен Анжеро-Судженский банк при моем участии, по моему заданию.

Вышинский: Как это дело случилось?

Шестов: В 1934 году мною был завербован управляющий отделением государственного банка Анжеро-Судженского района Фигурин. Он привлек в организацию старшего кассира Соломина и они для целей нашей организации из'яли из кассы 164 тысячи рублей и передали мне.

(ТАСС).

Утреннее заседание 26 января

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО СТРОИЛОВА

Вышинский: Вы можете ли что-нибудь добавить к вашим вчерашним показаниям?

Строилов: Я был послан на два года в Германию и занял должность старшего инженера горной секции технического бюро в торгпредстве. Началась дело постепенно, с моего знакомства с фон-Бергом. Берг был осведомителем ряда органов. У меня был разговор с Бергом относительно вопросов нашего строительства, и Берг рекомендовал мне прочитать книгу Троцкого.

Когда я был в СССР — в 1930 г. — опять Берг был тоже в Москве. Вернувшись в Германию, я виделся с Бергом, и в одной из бесед со мной он сказал, что в СССР известно о моих антисоветских разговорах, а поэтому мне необходимо остаться в Германии.

В конце марта 1931 г. я связался с Вюстером, которого мне рекомендовал фон-Берг для того, чтобы он устроил мне поездку в Чехословакию и Францию для выяснения вопросов относительно разработки мощных угольных пластов. Вюстер сказал мне, что «это можно устроить, но нужно иметь письменное доказательство о том, что вы наш человек». И я дал документ, о котором уже говорил, т. е. согласие не возвращаться в СССР и остаться работать в Германии вместе с ними и выполнять их поручения.

Второго апреля я поехал к Вюстеру на улицу Армитрассе, он сказал мне: «Никакого разговора ни об оставлении вас в Германии, ни о вашем посещении Франции и Чехословакии быть не может. Вы должны выполнять наши поручения, как вы обязались, господин Строилов». Он заявил, что сейчас говорит не от себя, а от тех политических кругов, которые могут сделать одно из двух: или на основании ряда данных о якобы моей агитации засадить меня в германскую тюрьму, или же на основании этой записки — в советскую тюрьму. Я согласился выполнить указания Вюстера, т. е., попросту говоря, сделаться предателем.

В том же разговоре он указал, что мои ближайшие задачи состоят в том, чтобы я помогал немецким специалистам, а в особенности тем, кто по условленному паролю — «привет от Вюстера» — обратится ко мне, чтобы я оказывал им всяческое содействие в размещении их на определенные должности в СССР, содействовал им в работе, не обращая внимания на технические недостатки.

Он указал мне далее, что я должен принимать меры к затормаживанию развития каменноугольной промышленности в СССР. Попросту говоря, это была директива о вредительстве.

11 апреля было получена телеграмма с вызовом меня в СССР. В Новосибирске я был назначен сначала заместителем начальника управления рационализаторских и исследовательских работ, а в 1932 г. — начальником этого управления. До конца 1934 г. ко мне обратились по условленному с Вюстером паролю шесть немецких специалистов: Зоммерегтер, Бурм, Бауэргартнер, Маас, Хауэр и Флесса. Эти агенты разведки были распределены по наиболее важным местам.

Вюстеру я послал три информации. В ответ я получал директивы.

Вышинский: Какие директивы вы получали?

Строилов: Контрреволюционные, разрушительные директивы.

Первая моя информация — в январе 1932 г., через Флесса, рассказывавшего об огромном плане строительства в Кузбассе, была по существу шпионской. В августе Флесса вернулся и сказал, что Вюстер требует, чтобы я приступил к созданию организации из контрреволюционно-настроенных специалистов.

В 1934 г., примерно в июне, через Зоммерегтера, ехавшего в отпуск, я сообщил, сколько вовлечено специалистов из числа советских граждан в контрреволюционную организацию. На это последовало указание перейти к решительным вредительским, разрушительным действиям.

Далее подсудимый Строилов показывает, что он был связан с одним иностранным официальным лицом.

— Что касается официального лица, — показывает Строилов, — все его указания в основном сводились к расстановке людей. В частности, инженер Штейнлинг по настоянию этого официального лица был послан и рекомендован мною для связи с контрреволюционной организацией в Кемерово.

По настоянию этого официального лица проводилось натравливание советских и иностранных рабочих на советское правительство.

Вышинский: Теперь перейдем к вашей вредительской диверсионной деятельности.

Строилов: Иностранным специалистом Шебесто была сделана попытка взрыва копра на шахте 5—6. Были неоднократные попытки прям из центрального управления чертежей и зарисовок механизмов, испытываемых в промышленной обстановке и имеющихся нашими советскими изобретениями. Это относится к отбойному молотку, буровой машине и другим. Затем намечалось подключить электростанцию. Как сообщил мне впоследствии Зоммерегтер, оказалось, что промежуточная серогорелка в машинном зале действительно была подожжена. Проложение подземных выработок на шахте 5—6 поставлено было таким путем, что это полностью лишало возможности осуществить электровозную откатку. Затем была предложена, так называемая, система «шебрло» по имени ее авторов: Шебесто, Флесса и Отта, дающая потерю 80 проц. угля.

Далее были сделаны попытки прекратить все работы на верхнем горизонте в Прокопьевске. На шахте «Коксовая» фундамент компрессоров был нарочно связан с фундаментом здания. Это привело к такому дрежанию стен здания, что они, видит, должны были развалиться.

На шахте имени Рухимовича инженером Вебером искусственно задерживались проходка уклона для вскрытия нижнего горизонта, что повлекло за собой затопление покоящихся углей. В течение двух лет инженер Хауэр, игнорируя достижение механизмов английских и американских, занимался перепроектировкой только тех механизмов, которые изготовляют немецкие фирмы, в надежде на то, что эти механизмы закупят у них.

Флесса всячески компрометировал оборудование завода им. Кулакова и проводил линию на необходимость выписывать электротехническое оборудование из-за границы. Каждая шахта проектировалась без учета подъездных путей, электроэнергии, дорог, и получалось такое положение, что шахты сдавались в эксплоатацию, а работать они не могли.

Вышинский: До какого состояния вы довели Кемеровский рудник?

Строилов: В последний раз я там был в 1935 году. Рудник я нашел в очень плохом состоянии. Выработка была сдавлена, что не давало возможности отгружать забои. Вовсе не было выдержано соотношение пластов. Вентиляция запущена. Капитальные работы для второго горизонта не проводились. Это являлось следствием вредительства, которое осуществлялось группой Пошехонова.

По ходатайству государственного обвинителя подсудимому Строилову предъявляется записная книжка, где значится запись московского телефона фон-Берга при посещении последним Союза ССР. Строилов удостоверяет, что книжка принадлежит ему, Строилову, и что эта запись сделана им самим.

Тов. Вышинский просит суд приобщить к делу справку отеля «Савой» о том, что Берг Г. В., германский подданный, коммерсант, жил в отеле «Савой» с 1 по 15 декабря 1930 г. Номер телефона комнаты, занимавшейся Бергом, совпадает с номером, записанным в книжке Строилова.

Суд приобщает к делу справку директора гостиницы «Савой», а также телефонно-адресную книжку германского государства, VII издание, том II, в которой значится берлинский адрес Вюстера, совпадающий с записью в записной книжке Строилова, и другие документы.

Государственный обвинитель просит суд приобщить к делу 4 выездных производства иностранного отделения административного отдела президиума Мособлисполкома о в'езде в СССР и месте жительства инженеров Вюстера, Берга, Флесса и Шебесто. По просьбе тов. Вышинского Строилову пред'являются 20 фотоснимков разных иностранцев. Рассмотрев снимки, Строилов опознает фотографии каждого из инженеров — Вюстера, Берга, Флесса и Шебесто.

Суд удостоверяет, что фотоснимки эти, пред'явленные Строилову и опознанные им, идентичны снимкам, имеющимся во выездных производствах.

Подсудимый Шестов из пред'явленных ему фотографий опознает снимки Флесса и Шебесто.

Суд удостоверяет, что фотоснимки Флесса и Шебесто, опознанные Шестовым, также идентичны снимкам, имеющимся во выездных производствах.

Допрос подсудимого Норкина

Вышинский: Какую должность вы занимали в Кемерово?

Норкин: Начальника Кемеровокомбинатстроя.

Вышинский: Кто вас направил туда на эту должность?

Норкин: Пятаков.

Вышинский: С какими целями?

Норкин: В 1933 г. стало ясно, что основа моей посылки в Кемерово заключается в том, что я должен выполнять подрывную работу на важнейшем об'екте химической промышленности, имеющем огромное оборонное значение. Это мне стало ясно из тех заданий, которые я получил в 1933 г. как член троцкистской организации от непосредственно руководящего моей работой Пятакова.

Вышинский: Что же вам сказал Пятаков?

Норкин: В основном это заключалось в том, чтобы вести работу по задержке этого строительства в целях подрыва государственной мощи, чтобы при больших капиталовложениях иметь меньше эффекта, причем капиталовложения надо вдать не на основные об'екты, а на менее важные.

Вышинский: То-есть омертвить эти капиталы?

Норкин: Да.

Вышинский: Говорилось ли что-нибудь о мобилизационной готовности различных агрегатов, имеющих оборонное значение?

Норкин: Я подтверждаю то, что сказал. Комбинат этот имеет оборонное значение. Поскольку часть средств отвлекалась, это приводило к ослаблению оборонных об'ектов. В качестве основного метода нашей работы предусматривалась перепроектировка предприятий, таким образом, под предлогом увеличения мощности или рационализации, оттяжка проектных работ, задержка строительства.

Вышинский: Все эти установки были нам даны Пятаковым?

Норкин: Да.

Вышинский: В каком году?

Норкин: В 1933 году.

Вышинский: Когда вы были назначены на Кемерово?

Норкин: В 1932 г.

Вышинский: А при вашем назначении Пятаков с вами вел разговоры о преступной организации, в которой он и вы участвовали?

Норкин: Я до этого был привлечен к организации.

Вышинский: Следовательно, вы ехали в Кемерово со старыми установками, которые вы получили от Пятакова еще раньше? Когда именно?

Норкин: Я исчисляю свое оформление в организации с 1931 года. Тогда и были получены все основные установки троцкистской организации.

Вышинский: Что же вами конкретно сделано в области вредительства?

Норкин: Основной итог заключается в том, что строительство важнейших об'ектов, имеющих оборонное значение, было задержано. Очень существенным итогом является то, что были факты дезорганизации электроснабжения в Кузбассе.

Вышинский: Про диверсионные акты что вы скажете?

Норкин: В 1935 г. я получил указание от Пятакова брать основные звенья, чтобы, не распылялись, получить наибольший результат.

В соответствии с этим мной был закуплен вывод из строя нашей ГРЭС путем взрывов. В феврале 1936 г. было три взрыва.

На электростанции, по распоряжению Норкина, как он показывает, несмотря на протест директора труда и начальника цеха Пономарева, скапывались угли, опасные в смысле взрыва. Взрывы произошли. — Это основной диверсионный акт, который мною лично был проведен, — признается Норкин.

Вышинский: Имели ли вы какое-либо отношение к террористической деятельности нашей подпольной организации?

Норкин: Я знал, что такая работа проводится.

Вышинский: Что вам было известно о террористической деятельности?

Норкин: Мне было известно, что убийство С. М. Кирова — это осуществленный организацией террористический акт. Я знал, что троцкистская организация намечает и подготовляет целый ряд других актов против руководителей партии и правительства.

Вышинский: Какое вы занимали партийное положение в последнее время?

Норкин: Я был членом краевого комитета партии и членом бюро городского комитета партии.

Вышинский: И одновременно были членом подпольной троцкистской, антисоветской, террористической, диверсионной, шпионской и вредительской организации?

Норкин: Да.

Вышинский: Были ли у вас такие случаи, чтобы вы оказывали членам своей подпольной организации некоторые услуги, используя свое положение члена краевого комитета партии?

Норкин: Все, что я указал в краткое, угрожающее троцкистской организации в отдельным ее членам, я, разумеется, немедленно использовал либо в порядке сообщения, либо в порядке учета.

Отвечая на вопрос государственного обвинителя, почему после ареста он не сразу оказался в своей преступной деятельности, Норкин показывает, что в этом смысле на него оказала сильное влияние статья Пятакова о процессе троцкистско-зиновьевского центра.

Вышинский: Вы говорите о статье в «Правде»?

Норкин: Я говорю о статье, в которой Пятаков кричал: «Браво, браво чекисты». Я не мог истолковывать эту статью иначе, как сигнал к тому, чтобы всячески крепиться, как директиву «держись». Я понял, что значит у Пятакова есть средства продолжать борьбу.

Вышинский: А потом почему решили отказаться?

Норкин: Я понял бесплодность борьбы и понял необходимость выявления всего этого дела.

Председательствующий: Последний вопрос. Когда в июне 1936 года Пятаков давал задание получить об организации поджога химкомбината, вы высказали сомнение, что могут погибнуть рабочие?

Норкин: Это есть в показаниях и я не один раз высказал, а неоднократно высказывал.

Вышинский: Что вам ответил Пятаков?

Норкин: Пятаков ответил, что жертвы неизбежны. При этом он говорил: «Нашел, кого жалеть».

Допрос свидетеля Штейна

(Штейн дает показания на немецком языке)

Вышинский (к переводчику): Будьте любезны спросить свидетеля Штейна, знает ли он Шестова?

Штейн: Я познакомился с Шестовым в 1934 г.

Вышинский: Известно вам что-нибудь о тех преступлениях, которые Шестов совершил?

Штейн: Шестов просил, чтобы я для него работал по линии диверсионной. Я имел в виду простои на заводах, ломки и порчи машин, неправильную продукцию изделий.

Далее Штейн показывает, что еще задолго до этого разговора с Шестовым он имел разговор с германскими инженерами Бурмом и Флесса, приехавшими в СССР в 1932 г., и они договорились о проведении вредительских действий в пользу Германии. Штейн, в частности, показывает, что ему Бурм давал директивы портить машины и в первую очередь русские машины и об'яснить их порчу «несознательностью» русских рабочих. Инженер Флесса дал ему прямое указание в связи с управляющим рудника Шестовым и Флореном, которые должны были приехать в ближайшее время в Анжерку. Мы должны были через эти наши вредительские работы, показывает Штейн, ослабить силу Советского Союза. Бан на практическую работу Флесса указал, что нужно расстроить энергетическое хозяйство в Совет-

(Окончание см. на 4-й стр.).

Рабочие курского кожевенного завода с огромным вниманием следят за ходом процесса над участниками антисоветского троцкистского центра. Ежедневно в обеденный перерыв проводятся читки газет.

На снимке: политагитатор тов. Бруцко А. В. читает рабочим хромо-отделочного цеха текст вопросов обвиняемого Пятакова.

Фото БОГДАНЧИКОВА.